

Равновесие насилия и ненасилия

Существует мнимонаучное мнение, что среди животных безраздельно господствует насилие. Исследования К. Лоренца показали, что это неверно. Как раз среди хищников, хорошо вооруженных для убийства, насилие ограничено инстинктом, запрещающим убивать себе подобных. Встречаются случаи нарушения закона, но достаточно редко. Выживание вида обеспечено равновесием насилия и ненасилия.

У становящихся людей подходящего инстинкта не было, и его заменило табу. Индеец племени юта, случайно убив родича, обязан покончить с собой. И в другом племени воин, убивший врага, обязан пройти месячное очищение, оставаясь один в лесу. Привычка к убийству, дух убийства не должны входить во внутреннюю жизнь рода. Примерно так мыслил и Моисей. Он не чувствовал противоречия между заповедью «не убий» и жестокими войнами, которые вел. С точки зрения любого племени его поведение совершенно естественно.

Однако противоречие все же было. Форма заповеди «не убий» иная, чем в табу (не убивать сородича). Она универсальна, она запрещает всякое убийство. Можно представить себе, что Моисей услышал голос Бога, диктовавшего ему заповеди, но понял – на уровне племенного сознания, для которого племя выше личности и благо племени – высший закон. Понять Бога значило поставить личность выше народа и спасение души выше народа, племени, государства и т. п. Для этого понадобилось более тысячи лет – от Моисея до Христа.

За двенадцать веков сложилось имперское право (одинаковое для всех) и философия, утвердившая равенство людей перед Разумом. Однако философия разделилась на множество школ, опровергавших друг друга, и не сумела создать единую этику. Древние историки жаловались на упадок нравов. Приемы логического рассуждения, попав в руки духовно недоразвитых, оправдывали любую мерзость. Попытки вернуться назад, к племенной добродетели, тоже ничего не давали. Выходом оказалось откровение, обращенное к личности, мимо племен, народов и государств. Империя сперва не поняла, что это ей на пользу. Она травила христиан, как диких зверей, видела в них разрушительную силу. Но в конце концов Константин угадал, что новую духовную силу можно приспособить и использовать.

Внешнее торжество христианства было связано с потерями. Мораль Нагорной проповеди осталась для монахов, остальным разрешалось законное убийство. Рамки племени были просто расширены, заменены рамками вероисповедания, практически совпадавшими с государственными границами. Убивать нехристиан, по повелению государства или церкви, считалось богоугодным делом. Потом таким же дозволенным и даже доблестным делом стали рыцарские распри.

На этом фоне можно понять мораль ленинцев. Друг друга они не убивали. Ленинцам (при Ленине) разрешалось собственное мнение, критика вождей, дискуссии, оппозиция. Они были своего рода племенем. А иноплеменных, не веривших в коммунизм, убивали так же, как Моисей велел убивать язычников. Война с неверными только укрепляла солидарность верных.

Сталин разрушил эту мораль волчьей стаи. Он сделал нормой большевика – партийного и беспартийного – поведение бешеного волка, бросающегося на своих (с ложным обвинением, с доносом). Общество бешеных волков нежизнеспособно. Оно лишено солидарности. Я помню поговорку, облетевшую всю страну в 1939 году, после спада волны террора: моя хата с краю, ничего не знаю. С такой моралью нас ждал верный разгром на войне. И он начался в 1941-м.

Однако война создала новую солидарность и новую мораль. С ней советская система продержалась еще несколько десятков лет, вспоминая оборону Одессы, Севастополя,

Ленинграда, Сталинграда... Недавно я слышал от женщины, никогда не бывшей на войне и не собиравшейся воевать: этого человека я бы с собой в разведку не взяла...

Между тем ветераны старели, и школьников стало тошнить от военно-патриотического воспитания. Система постояла, постояла, как стоит старый, источенный червями гриб, да вдруг и рухнула. Началось возвращение к религии. В России – к христианству. Но к какому? С православным мечом? Тем самым, который отворил двери мировой войне?

Накануне XX века с его неслыханными взрывами национальных и гражданских войн Лев Толстой призвал к ненасилию. Его все засмеяли. И отчасти Толстой сам был в этом виноват. Интуиция гения досталась разуму артиллерийского поручика. Он чувствовал наступление городов на природу, чувствовал ущербность таблеточной медицины – и омертвление обрядовой религии, и фальшь риторического искусства, и страшную угрозу поворота всей мощи промышленности на разрушение, на войну. Однако все, что Толстой чувствовал, было выражено так прямолинейно, так категорично, что невозможно было с ним согласиться. Показалось, что он анархист, разрушитель, союзник революционеров, большевиков. Так думал и Ленин, и его противники. Они все ошибались. Ересь Толстого заключала в себе начатки новой догмы, нового равновесия насилия и ненасилия – со сдвигом в сторону ненасилия.

В конце 60-х годов я присутствовал на заседании семинара в Институте истории. Обсуждался вопрос о войнах прогрессивных и справедливых. Дело в том, что Епишев, начальник Политуправления вооруженных сил, приказал считать все войны царской России прогрессивными и справедливыми. Два или три полковника из Политуправления помнили, что Маркс и Ленин писали об этом иначе, и пошли искать управы на самодура. Докладчик, фамилию которого мне не хочется называть, подробно изложил писание: мятеж сипаев был справедливым, но не прогрессивным, а подавление мятежа прогрессивным, но не справедливым. То же Ленин о Шамиле. Я задал два вопроса: если Китай нападет на Советский Союз, то на чьей стороне будут прогресс и справедливость? И как считать войну 1939 года против Финляндии – прогрессивной или справедливой? Председатель (фамилию которого мне тоже не хочется называть) поднял очи горе и заявил, что снимает мои вопросы. Но докладчик, с отстраняющим жестом правой руки, сказал, что он готов ответить. Если Китай нападет на Советский Союз, то он перестанет быть социалистической страной и превратится в орудие империализма. А война 1939 – 1940 годов против Финляндии была и прогрессивной и справедливой. Таковы были правила, по которым играли тогдашние либералы. Я сказал «спасибо» и собирался уходить, как только объявят перерыв.

Но самое интересное было впереди. Выступил один из здравомыслящих полковников и сказал: «Если американский империализм нанесет нам термоядерный удар и мы ответим сокрушительным контрударом, это будет справедливо. Но какой прогресс, если ни там, ни здесь ничего не останется?»

Этой простой вещи до сих пор не понимают некоторые критики Толстого, православные и марксистские. Атомная бомба, сброшенная на Хиросиму, одним махом перечеркнула и концепцию насилия как повивальной бабки истории, и идею православного меча. В отношениях между державами, обладающими термоядерным оружием, наступила эра ненасилия. И хошь – не хошь, а пришлось Никите Сергеевичу стать толстовцем и убрать с Кубы свои ракеты.

Примерно в те же годы равновесие насилия и ненасилия сдвинулось и во внутренней политике. До начала 60-х годов оппозиция режиму принимала форму тайных групп, ставивших своей целью насильственное свержение большевизма. С 1960 года настроение стало меняться; и когда сложилось движение диссидентов («Хроника», инициативная группа по защите прав человека, группа Хельсинки), его тактикой стало активное ненасилие. Теоретически это пытался осознать один из издателей «Хроники», Анатолий Якобсон, опираясь на идеи Толстого и Ганди. В эти же

годы я сочинил эссе в один абзац, под названием «Коан» (загадка без разгадки): «Группа людей заперта в клетке вместе со стадом агрессивных обезьян. Ключи в руках обезьян. Тот, кто пытается захватить ключи силой, сам становится обезьяной. Как выйти из клетки?» Мне казалось, что здравый смысл подскажет единственный выход: постараться очеловечить обезьян. Задним числом движение диссидентов смотрится мне как такая попытка: говорить с обезьянами человеческим языком и требовать исполнения писаных законов. На первый взгляд, ничего из этого не вышло. Но оказалось, что вышло. Дух, вдохновлявший диссидентов, проник в ЦК и коснулся нескольких лидеров, метавшихся в поисках выхода из кризиса: экономического, социального, внешнеполитического, экологического. Сахаров, вернувшийся из ссылки, Сахаров, избранный в народные депутаты, стал открытым воплощением этого духа; и дух, почти без материи, оказался сильнее, чем материя, лишенная духа.

Не могу сказать, что я именно это предвидел. Но я допускал революцию сверху. В 1975 году, полемизируя с Солженицыным, я написал (в «Снах земли», изданных десять лет спустя): не только село не стоит без праведника, и ЦК не стоит без праведника. Оказалось, что совершенного праведника и не нужно было, достаточно нескольких людей, не совсем потерявших ум и совесть. Такие люди нашлись.

Мирный развал коммунистической империи не был прямым и однозначным следствием диссидентства. Активное ненасилие сплелось с нажимом со стороны администрации Рейгана, с нарастающим развалом экономики и т. п. Ненасилие Ганди одержало победу в борьбе с англичанами, потому что это были англичане и потому что вторая мировая война расшатала колониальные режимы. Успех ненасилия зависит не только от того, кто его применяет, но и от того, против кого оно применяется. Ганди советовал Мартину Буберу ненасилие как тактику еврейской общины в гитлеровской Германии; Бубер вежливо объяснил, что это невозможно. Режимы тоталитарного типа в период своего расцвета и толпа фанатиков, жаждущая крови, невосприимчивы к ненасилию. Ганди был убит, пытаясь помешать резне. Он стал воплощением Вишну в глазах своего народа, но в момент побоища понадобились войска. И нужны вооруженные силы в борьбе с бандитами, обыкновенными и международными, и нужна солидарность всех цивилизованных стран, чтобы проводить такие полицейские акции.

Область ненасилия не безгранична, но она расширяется. Присутствие в мире атомного оружия делает недопустимым скандалом тоталитарные режимы, способные пустить в ход бомбу, и перестают быть внутренним делом страны шовинистические истерики. Задача международного общества – оказывать непрерывное давление на очаги параноидных состояний, создавать им максимально жесткие условия развития и по возможности ликвидировать. Задача интеллигента – развивать активное ненасилие внутри очагов шовинистических и религиозных истерик. Ближайший век должен стать веком расширяющегося ненасилия. Иначе он будет последним веком человечества.